

Протоиерей Олег Агапов

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ
КАК АКТУАЛЬНЫЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ
(НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ТВОРЧЕСТВА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО НА БОГОСЛОВИЕ
ПРОТ. АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА)**

Ф.М. Достоевский в своих произведениях затрагивает вечные проблемы человеческого бытия: взаимоотношений человека с человеком, человека с Богом, смысла и цели жизни. Творчество писателя оказалось продуктивным для целого ряда писателей, философов, богословов самых разных стран и народов. Огромным было влияние Ф.М. Достоевского и на русскую философскую и богословскую мысль XX в. В статье рассматриваются некоторые аспекты этого влияния.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, протопресвитер Александр Шмеман, ответственность, свобода, творчество, жертвенность, служение, потребление, смысл жизни.

За прошедшие 132 года со дня смерти великого русского писателя время работало на него. И это почти не аллегория: XX век показал правоту многих интуиций Достоевского, его прозрений, чаяний и предупреждений. Глубина понимания человека и человечества, которую обнаруживает писатель в своих произведениях, такова, что можно говорить о пророческом даре, да он и сам воспринимает свое творчество как выражение, проговаривание правды о человеке в свете христианской Правды, в основании которой — Личность Христа. Достаточно широко известен «символ веры», к которому Федор Михайлович пришел в первый год после каторги: «Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что

Протоиерей Олег Агапов — кандидат филологических наук, проректор по учебной работе и заведующий кафедрой богословия Самарской духовной семинарии (ieroleg@yandex.ru).

истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»¹.

Влияние Федора Михайловича Достоевского на мировую культуру XX в. было очень велико, ему многим обязаны такие разные писатели и мыслители как Акутагава и Кнут Гамсун, Томас Манн и Стефан Цвейг. Тот же Ницше указывал на Достоевского как на своего учителя психологии; Вячеслав Иванов в своей работе «Достоевский и роман-трагедия» пишет о писателе: «Он <...> открыл, выявил, облек в форму осуществления — начинавшуюся и еще не осознанную сложность нашу, поставил будущему вопросы, которых до него никто не ставил, и нащептал ответы на еще не понятые вопросы»².

Протопресвитер Александр Шмеман в ряде своих работ также упоминает о великом русском писателе, иногда критически — по отношению к государственным (монархическим, самодержавным с православной идеологией) идеалам писателя, часто — используя героев Достоевского для раскрытия какой-либо темы. Так, говоря о том, куда может завести человека желание свободы, полной, абсолютной (другой она и не может быть) свободы, при отсутствии веры в Бога, Шмеман указывает на одного из персонажей Достоевского — Кириллова из романа «Бесы»: «Как вы, конечно, помните, он (Кириллов. — *Прот. О.А.*) кончает самоубийством, чтобы доказать свою абсолютную свободу, ибо смерть и есть для человека самый последний и ненавистный авторитет. Ее неизбежность, ее объективность, ее независимость от меня — все это и есть тот последний авторитет, преодолев и уничтожив который человек делается свободным как Бог. Тут Достоевский гениально показывает завершение этой диалектики свободы и тем самым вскрывает ее ужас и бессмыслицу»³.

Старший современник о. Александра, Николай Бердяев (с чьим творчеством богослов был хорошо знаком, хотя и оценивал, зачастую, критически⁴) в своей работе «Миросозерцание Достоевского» (1923 г.) также (только на несколько десятилетий раньше) выделяет из всех персонажей Федора Михайловича именно Кириллова для анализа «основной темы Достоевского», которая, по мысли философа, заключается в том, что «на путях человекобожества

¹ *Достоевский Ф.М.* И.Д. Фонвизиной // *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. в 15 т. Т. 15. Письма. 1834–1881. Л., 1989. С. 96.

² *Иванов В.И.* Достоевский и роман-трагедия // *Иванов В.И.* Собр. соч. в 6 т. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 402.

³ *Шмеман А., прот.* Авторитет и свобода в Церкви // *Шмеман А., прот.* Собрание статей. 1947–1983. М., 2009. С. 439.

⁴ *Шмеман А., прот.* Дневники. 1973–1983. М., 2005. С. 18, 95, 458, 527.

погибает человеческая свобода и погибает человек»: «Свобода Кириллова, пожелавшего стать богом, кончается страшной, бесплодной гибелью. Быть может, наиболее важен тут Кириллов. Кириллов сознает своеволие как долг, как священную обязанность»⁵. Бердяев делает несколько иные акценты по сравнению со Шмеманом. Философ считает, что свобода без Бога невозможна, она «гибнет», а человек только мнит себя свободным: «...И самый чистый человек, отвергший Бога и возжелавший самому стать богом, обречен на гибель. Он уже теряет свою свободу. Он — одержимый, он во власти духов, природу которых он сам не знает»⁶. Согласны Бердяев со Шмеманом в том, что свобода без Бога оказывается смертью.

Одну из основных нравственных идей христианства — идею служения — Федор Михайлович доносит до читателя, предельно заостряя наше внимание на основной опасности, поджидающей всех на путях «траты себя ради других» — опасность мысли, и даже не мысли — «малейшего», возможно, неосознаваемого расчета — о своей возможной выгоде. Подробно изложенные рассуждения на данную тему мы находим в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности. Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет нормально человека. Но тут есть один волосок, один самый тоненький волосок, но который если попадет под машину, то все разом треснет и разрушится. Именно: беда иметь при этом случае хоть какой-нибудь самый малейший расчет в пользу собственной выгоды. Например; я приношу и жертвую всего себя для всех; ну, вот и надобно, чтоб я жертвовал себя совсем, окончательно, без мысли о выгоде, отнюдь не думая, что вот я пожертвую обществу всего себя и за это само общество отдаст мне всего себя. Надо жертвовать именно так, чтоб отдавать все и даже желать, чтоб тебе ничего не было выдано за это обратно, чтоб на тебя никто ни в чем не изубыточился»⁷.

⁵Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Смысл творчества. М., 2007. С. 429.

⁶Там же.

⁷Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15 т. Т. 4. Л., 1989. С. 388–451. С. 428–429.

Подобные рассуждения о служении, о «радости самоотдачи» мы встречаем и в «Дневниках» прот. Александра. Так, например, восхищаясь Солженицыным, он пишет: «Рядом с тобой — человек, принявший все бремя служения, целиком отдавший себя, ничем не пользующийся для себя»⁸.

Эту тему Достоевский развивает в «Братьях Карамазовых» как тему ответственности всех за всех. Идея, близкая и прот. Александру Шмеману. Впервые об этом говорит старец Зосима, вспоминая последние дни жизни своего родного брата (умиравшего от скоротечной чахотки), который рисовал непонимающей его матери картину открывшегося ему вдруг перед смертью рая: «Мама, ... не плачь, жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать завтра же и стал бы на всем свете рай; ...все должны один другому служить; ...всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех воистину всякий пред всеми за всех и за всё виноват»⁹. Помимо этого, брат старца Зосимы (Маркел) перед смертью («пограничная ситуация» экзистенциализма) остро и глубоко воспринимает красоту окружающего мира, которая для него (важная тема для Достоевского) — слава Божия: «Да, говорит, была такая Божия слава кругом меня: птички, деревья, луга, небеса, один я жил в позоре, один всё обесчестил, а красоты и славы не приметил вовсе»¹⁰.

Во время смерти брата Зосима (тогда Зиновий) — еще ребенок. Вспоминаются ему слова брата, свидетелем которых он был, когда его собственная жизнь подходит к определенному рубежу, когда (перед им же спровоцированной дуэлью, в бытность еще молодым офицером) ему пронзительно ясна стала, прежде всего, неистинность, фальшивость, даже гибельность собственного отношения к миру и людям: «Так и вонзился мне в ум в первый раз в жизни тогда этот вопрос. “Матушка, кровинушка ты моя, воистину всякий пред всеми за всех виноват, не знают только этого люди, а если б узнали — сейчас был бы рай!”»¹¹

Композиционно в романе идет развитие данной темы. Федор Михайлович постепенно и незаметно подводит читателя к осознанию этой, видимо, одной из главных своих идей, неразрывно связанной и с идеей служения всех всем и с идеей подлинной свободы, которая есть «свобода духа», и с идеей творчества, связанного с прозрением славы Божией и красоты в окружающем мире.

⁸ Шмеман А., прот. Дневники. С. 103.

⁹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. Художественные произведения. Калининград, 2005. С. 185.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 191.

В этих рассуждениях Достоевский актуален и всегда будет актуален, поскольку выявляет фундаментальную основу человеческого бытия: цельность служения, духовной свободы и творчества. Цельность, приобщающая человека к радости в любви к Богу, миру, другому человеку и себе. В главе «Из бесед и поучений старца Зосимы» «Братьев Карамазовых» мы находим поразительно современно звучащие характеристики «общества потребления», идеалы которого, заместившие собой идеалы духовные, не могут не привести к моральному разложению: «Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: «Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как и у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай», — вот нынешнее учение мира. В этом и видят свободу. И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных — зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности еще не указали»¹².

Современная апология глобализации без должного внимания к духовной стороне процесса единения также находит своего критика в лице героя романа Достоевского (и самого писателя): «Уверяют, что мир чем далее, тем более единится, слагается в братское общение, тем что сокращает расстояния, передает по воздуху мысли. Увы, не верьте таковому единению людей. Понимая свободу, как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок. Живут лишь для зависти друг к другу, для плотоугодия и чванства»¹³.

Находим мы и одно из объяснений пьянства и пророческое предвидение грядущих общественных потрясений: «...У тех, которые не богаты, то же самое видим, а у бедных неутоление потребностей, зависть пока заглушаются пьянством. Но вскоре вместо вина упьются и кровью, к тому их ведут. Спрашиваю я вас: Свободен ли такой человек?» Это риторический вопрос, который задает Федор Михайлович устами своего героя старца Зосимы. Риторический, поскольку дальше в поучениях старца мы находим ответ на него: «...Вместо свободы впали в рабство, а вместо служения братолюбие и человеческому единению впали напротив в отъединение и уединение... А потому в мире всё более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей и воисти-

¹²Там же. С. 201.

¹³Там же.

ну встречается мысль сия даже уже с насмешкой, ибо как отстать от привычек своих, куда пойдет сей невольник, если столь привык утолять бесчисленные потребности свои, которые сам же навывдумал? В уединении он, и какое ему дело до целого. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше»¹⁴.

Радость и подлинная свобода обретаются на других путях, путях послушания, поста и молитвы: «Другое дело путь иноческий. Над послушанием, постом и молитвой даже смеются, а между тем лишь в них заключается путь к настоящей, истинной уже свободе: отсекаю от себя потребности лишние и ненужные, самолюбивую и гордую волю мою смиряю и бичую послушанием, и достигаю тем, с помощью Божьей, свободы духа, а с нею и веселья духовного!»¹⁵

Н. Бердяев в работе «Миросозерцание Достоевского» уделяет теме свободы в творчестве писателя целую главу, в которой утверждает, что эта тема — центральная для писателя — стоит «...в самом центре миросозерцания Достоевского», «...сокровенный пафос его есть пафос свободы»¹⁶. Больше того, это — «...ключ к пониманию его миросозерцания»¹⁷. Достоевский, по мнению философа, впервые смог исследовать «человека, пошедшего путем свободы» и сделать выводы, знаменующие собой принципиально новый этап понимания свободы. Бердяев пишет о «трагической диалектике» такого понимания, о «трагедии свободы»¹⁸. Он выделяет две свободы: «изначальную» и «конечную», «избрания добра и зла» и «в добре», «иррациональную» и «в разуме». «Истина делает человека свободным, но человек должен свободно принять Истину, он не может быть насильственно, по принуждению к ней приведен. Христос дает человеку последнюю свободу, но человек должен свободно принять Христа»¹⁹.

Бердяев указывает также на то, что свобода у Достоевского «принадлежит новому периоду в самом христианстве»²⁰: «Это есть переход христианства из периода исключительно трансцендентного его понимания в период более имманентного его понимания. Человек выходит из-под внешней формы, внешнего закона и страдальческими путями добывает себе внутренний свет. Все переходит в последнюю глубину человеческого духа. Там должен раскрыться новый

¹⁴Там же.

¹⁵Там же. С. 202.

¹⁶Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. С. 429.

¹⁷Там же.

¹⁸Там же. С. 421.

¹⁹Там же. С. 420–421.

²⁰Там же. С. 422.

мир»²¹. Запомним эту мысль. Философ будет ее развивать всю жизнь в разных произведениях, но для данной статьи главное — преломление ее в творчестве протопресвитера Александра.

Именно Ф.М. Достоевский, как пишет Бердяев, гениально раскрывает судьбу человека, идущего путем свободы. Свобода становится рабством, больше того — губит человека, если он не приходит к Богу: «Если нет ничего выше самого человека, то нет и человека. Если нет у свободы содержания, предмета, нет связи человеческой свободы со свободой Божественной, то нет и свободы. <...> Образ человеческий держится природой высшей, чем он сам. Свобода человеческая достигает своего окончательного выражения в свободе высшей, свободе в Истине»²². Но приход к Богу должен быть свободным и это, прежде всего, — внутреннее становление и созревание. Ниже мы увидим, насколько эти мысли Ф.М. Достоевского (проговоренные после изучения его творчества Н. Бердяевым) созвучны Шмеману, который будет писать о «творческой свободе» во Христе как основе христианской жизни.

В связи с творчеством Ф.М. Достоевского написано очень много литературоведческих, философских, богословских исследований. От В. Белинского до прп. Иустина (Поповича). Но в этом море литературы есть свои мейнстримы. На первый взгляд — противоречащие друг другу методологические установки для понимания творчества писателя, на деле же — отражающие новый, невиданный прежде «психологический реализм» автора, с одной стороны — дающего «голос» всем своим персонажам, с другой — имеющего и свою точку зрения, которая определяема из текста. В отличие от подавляющего большинства других великих романистов XIX в., Достоевский не навязывает и не делает явной до однозначности свою точку зрения. Его метод вырастает из глубокого понимания сути христианского учения о человеке как образе Божиим. А образ — не только разумность, но и свобода, свобода выбора. Достоевский творит мир, в котором читатель волен сделать свой выбор, пойдя против авторского мнения. Но внимательного, вдумчивого читателя Достоевский приводит к выводам, близким не Ивану Карамазову, а старцу Зосиме и Дмитрию, хотя и «голос» Ивана звучит с такой силой, что нередко исследователи принимают его рассуждения за точку зрения автора.

Так, последним, завершающим аккордом темы «вины за всех и служения всем» звучат слова (за которыми — дело) Дмитрия Карамазова, когда он ре-

²¹ Там же. С. 425.

²² Там же. С. 426.

шает пострадать «за всех», ощутив вдруг (после пророческого, как он считает, сна) свое единство со всеми и свою *вину за всех*: «“Отчего бедно дите?” Это пророчество мне было в ту минуту! За “дите” и пойду. Потому что все за всех виноваты. За всех “дите”, потому что есть малые и большие дети. Все — “дите”. За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти»²³. «Дите», о котором говорит Митя — это худой, посиневший от холода на руках нищей матери-погорелицы ребенок из сна, протягивающий к Мите руки. Именно этот сон привел Митю к прозрению.

«Здесь единство человечества, столь остро ощущаемое Достоевским, воплощается в единый образ — и не абстрактное понятие, и не многоголовая гидра встают за словом «человечество», но образ огромного «дитя», великого и все же малого дитяти, Божьего дитяти, воспитуемого и пестуемого Им на земле с любовью безграничной и вечной надеждой»²⁴, — пишет известный современный исследователь творчества писателя Т.А. Касаткина.

«Служение», «творчество», «любовь» и «радость» — ключевые понятия в размышлениях прот. Александра Шмемана о подлинной свободе — свободе во Христе. Отправной точкой «богословия свободы», по мысли о. Александра, «является еkkлесиология»²⁵.

Из-под тотального воздействия мира, изменившегося после грехопадения и заслонившего собой Бога, человек не мог выбрать сам. Только немногие поэты и пророки прозревали Творца за творением. Пока не пришел Христос. «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор 3:17). Христос освободил человека от рабства греху, дал возможность вырасти в меру сынов Божиих по благодати, но этой возможностью, этой свободой еще нужно воспользоваться. Церковь — собрание усыновленных Богом, верных Богу, свободных в Боге людей. Так должно быть: верных и свободных сынов, но... действительность не только Запада христианского мира, но и Востока оказалась ближе к образу Церкви, описанному в «Поэме о великом инквизиторе», которую рассказал Иван Карамазов Алеше в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. В монологе перед явившимся в Севилье XV в. Господом великий инквизитор, за-

²³ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 323.

²⁴ Касаткина Т.А. О творящей природе слова: Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» // Сайт «Апрельские юношеские чтения. Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI в.». URL: <http://fm-dostoevskiy.narod.ru/txt/tkasatkina.htm> (дата обращения: 05.07.2012).

²⁵ Шмеман А., прот. Свобода в Церкви // Шмеман А., прот. Собрание статей. 1947–1983. М., 2009. С. 431.

ключивший Его в тюрьму, в частности, говорит: «Вместо того, чтобы овладеть людскою свободой, ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека во веки. Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за тобою... Вместо твердого древнего закона — свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою, — но неужели ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и твой образ и твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора? <...> Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, — эти силы: чудо, тайна и авторитет. Ты отверг и то, и другое, и третье и сам подал пример тому»²⁶.

Проблеме свободы протопресвитер Александр Шмеман специально посвящает две статьи (прозвучавшие первоначально как доклады): «Свобода в Церкви» (1966 г.) и «Авторитет и свобода в Церкви» (1967 г.)²⁷. Эти статьи (как и отдельные размышления на тему свободы в дневниках, проповедях и книгах) пишутся как бы на фоне данного, одного из самых ярких в русской (да и мировой) литературе, диалога двух братьев Карамазовых²⁸. Богослов «дает ответ» Ивану и, отчасти Ф.М. Достоевскому; отчасти, поскольку Федор Михайлович изображает прежде всего «самосознание героя», создавая слово героя так, «...что оно до конца может развить свою внутреннюю логику и самостоятельность как чужое слово, как слово самого героя»²⁹. Ответ состоит в утверждении изначальной ложности противопоставления свободы и авторитета. По мысли Шмемана, это противопоставление родилось на Западе, стало одной из основных «духовных проблем Запада», но, к сожалению, с некоторого времени — господствующим мнением и на православном Востоке.

В этих своих выводах прот. Александр во многом продолжает размышления известного славянофила — А.С. Хомякова, который еще в середине XIX в. (статья 1853 г. «Несколько слов православного христианина о западных вероис-

²⁶ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. С. 164.

²⁷ *Шмеман А., прот.* Авторитет и свобода в Церкви. С. 438.

²⁸ Подробный анализ данных статей см.: *Аганов О., прот.* Тема свободы в творчестве протопресвитера Александра Шмемана // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2010. №1(7). Выпуск «Философия. Филология». С. 61–70.

²⁹ *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 76.

поведаниях. По поводу брошюры г. Лоранси»³⁰) отмечал, что католицизм и протестантизм по-разному отпали от «свободного Единства Церкви»: католицизм пришел к деспотизму, а протестантизм — к рационально понимаемой свободе³¹.

Один из учителей богослова — прот. Сергей Булгаков — в статье «Очерк о Ф.М. Достоевском», пытаясь реконструировать религиозные воззрения писателя (статья 1906 г., и это важно, т.к. страна пережила революцию 1905 г. и серьезный политический (и духовный!) кризис) пишет о серьезных недостатках церковной организации, «современного христианства» в России: «...Во все времена истории наибольшим религиозным соблазном для человечества является идолопоклонство и неразрывно связанное с ним многобожие. Бог — один, идолов же может быть множество, <...> и поскольку идолы овладевают частью человеческого сердца, они отделяют ее от истинного Бога. Подобное частичное идолопоклонство, многобожие существует и в современном христианстве, поскольку оно ограничивается областью храмового благочестия, представляя все остальные сферы жизни мирским стихиям, т.е. ложным богам или идолам...»³² «Мирские стихии» — это культура, государственность, общественная жизнь. Булгаков называет такое состояние дел «недопустимой уступкой политеизму» и противопоставляет ему точку зрения Ф.М. Достоевского, исповедующего «вселенское и универсальное христианство», действующее везде и могущее исправить все, более того, философ пишет о том, что это — основное, еще не реализованное назначение христианства: быть действительной и действующей основой для всей культуры, государства, общества. Все должно стать Церковью³³.

О. Александр, во многом продолжая рассуждения Булгакова по поводу «современного язычества», критикует и «храмовое благочестие», которое, ставя во главу угла форму, перерождается, зачастую, в языческое ее почитание, без жизни, без свободы, любви, без понимания Христа и христианства. Явно в «тоне» мыслей философа рассуждает о. Александр, когда пишет о «гностиче-

³⁰Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси // Сайт «Классика». URL: http://azlib.ru/h/homjakow_a_s/text_0090.shtml (дата обращения: 03.01.2010).

³¹Более подробное изложение развития данных мыслей А.С. Хомякова у прот. А. Шмемана см.: Агапов О., прот. Тема свободы в творчестве протопресвитера Александра Шмемана. С. 61–70.

³²Булгаков С., прот. Очерк о Ф.М. Достоевском // Булгаков С., прот. Дела и дни. Статьи 1903–1944. Мемуары и дневниковая проза. М., 2008. С. 53–54.

³³Это тот идеал общественного устройства, о котором (уже без упоминания о Ф.М. Достоевском) прот. С. Булгаков будет писать на протяжении всей жизни.

ском уклоне самой веры», неразрывно связанном с «бабьим благочестием» и о дуализме, который «укоренен» в этих явлениях и который заменил «в церковном подходе к миру изначальный эсхатологизм»³⁴.

И в другом месте «Дневников»: «Ошибка в манихейской абсолютизации одной формы, в превращении ее в идола и тем самым в отрицании ее отнесенности к другому»³⁵. Форма не имеет самостоятельной ценности без содержания, а содержание христианства — Христос, жизнь с Ним, по Его заповедям, по Его Слову, без этого формальное «благочестие» — фальшиво, это — идол, ложный авторитет, который не помогает прийти к Богу, а заслоняет собой Его.

В итоговой работе «Евхаристия — таинство Царства», которую богослов писал последние несколько лет вплоть до своей смерти, о. Александр развивает данную тему. Церковь осмысляется им как «Жизнь Христова», собрание, являющее эту Жизнь-Любовь всему творению: «Назначение Церкви — в мире падшем являть как его спасение мир, возрожденный Христом. Сущность падшего мира в том, что в нем воцарилось разделение, отделение всех от всех, которого не преодолевает «природная» любовь некоторых к некоторым и которое торжествует и исполняется в последнем «отделении» — в смерти... Сущность же Церкви — явление и присутствие в мире любви как жизни и жизни как любви. Исполняясь сама в любви, она об этой любви свидетельствует в мире и ее несет в мир и ею «врачует тварь», подчинившуюся закону разделения и смерти»³⁶.

Свои рассуждения о свободе, как я уже говорил выше, прот. Александр выстраивает на фоне диалога Алеши и Ивана Карамазовых, на фоне рассказанной Иваном «Поэмы о великом инквизиторе». Чудо, тайну и авторитет — вот что, по мысли инквизитора, должен был дать Христос людям вместо свободы. Вот что должно, поработив, дать им счастье. Но... счастье нельзя навязать. Нельзя заставить быть счастливым, заставить испытать радость от жизни, заставить поверить в Бога, употребив власть и влияние (видимо в этом, прямом, значении употребляют слово «авторитет» — от лат. «auctoritas» — власть, влияние — и Достоевский и Шмеман). Не случайно герои Достоевского, так или иначе обращающиеся к Богу, приходят к Нему не в результате деятельности церковной организации: не епископы, священники и не штатные миссионеры являют им лицо христианина и христианства. Возьмем хрестоматийный пример — Родион

³⁴ Шмеман А., прот. Дневники. С. 109.

³⁵ Там же. С. 58.

³⁶ Шмеман А., прот. Евхаристия // Литургическое богословие отца Александра Шмемана. СПб., 2006. С. 317.

Раскольников, пришедший ко Христу благодаря Соне Мармеладовой, пожертвовавшей всем ради ближних, в том числе — и девической честью, но именно она, «желтобилетница», у Достоевского является выразительницей деятельной христианской любви. Князь Мышкин — «идеальный христианин» по замыслу писателя — живет и действует в романе, совершенно не участвуя в жизни Церкви, ничего не говоря о Церкви, как будто ее не зная, но именно он, душевнобольной, оказывается один способен на христианское отношение к ближнему. Только духовный руководитель младшего Карамазова, старец Зосима, является исключением в этом ряду, но он и есть исключение, *старец*...³⁷

О. Сергей Булгаков в уже цитированной работе «Очерк о Ф.М. Достоевском» (1906 г.) пишет, опираясь на творчество и размышления писателя, и об «...идеале свободы, вне которого нет нормального общества, а возможен только муравейник и скотный двор или же всеобщая тюрьма»³⁸.

В своем описании «генезиса» понимания понятия «свобода» в европейской культуре, прот. Александр Шмеман упоминает, в частности, Достоевского, Ницше, Сартра, Камю, Бердяева среди тех, кто пытался как-то свободу осмыслить и выразить свое к ней отношение. С точки зрения автора статьи, именно Федор Михайлович Достоевский заложил основы наиболее адекватного с христианской точки зрения понимания свободы как свободы, прежде всего, — духа, свободы — служения и радости от этого служения, свободы — не за счет других, а вместе с другими, которые перестают быть *другими*.

Одной из важных тем европейской культуры XX в. является тема диалога. Трудно переоценить важность творчества Федора Михайловича Достоевского для нашего понимания диалога. В произведениях писателя мы не находим систематического, философски продуманного описания диалога, но в подавляющем большинстве произведений мы видим то «многоголосие», «полифонизм» (по известному выражению М.М. Бахтина), которое только и позволяет приблизиться к пониманию трагической незавершенности человека, восполняющейся только живым Словом и словом участия другого человека: «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского. Не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развертывается в его произведе-

³⁷ Агапов О., прот. Тема свободы в творчестве протопресвитера Александра Шмемана. С. 61–70.

³⁸ Булгаков С., прот. Очерк о Ф.М. Достоевском. С. 59.

дениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается здесь...»³⁹. Именно в исследованиях творчества Федора Михайловича проговаривается многими мыслителями и художниками то важное для понимания диалога, что делает осмысление диалога одной из основных философско-богословских проблем XX–XXI вв.⁴⁰

В своей статье «О цели жизни», говоря об основной «теме культуры», т.е. о смысле, цели жизни, прот. Александр Шмеман характеризует «нашу эпоху» (т.е. эпоху конца XX в., но, по мнению автора статьи, эти рассуждения не потеряли своей актуальности и в начале XXI в. — *Прот. О.А.*) как «эпоху новой религиозной войны», так как в ней сталкиваются не безверие с верой, а «разные религиозные идеалы, разные понимания смысла человеческой жизни». По мнению богослова, человечество достаточно научено за свою историю тому, что идеи не могут быть побеждены физически, силой оружия, а только — идеей же: «Превосходство идеи над силой есть, собственно, потрясающее «открытие» нового времени. Поэтому если сталкиваются на последней глубине разные теории о смысле и цели человеческой жизни, подлинный и свободный спор между ними все равно окажется единственным полем сражения, и победит в этом сражении тот ответ, который сумеет обнять собой всю бесконечную глубину человеческого искания, человеческой жажды»⁴¹. Т.е. для победы христианства, которое, безусловно, считает, что ответ о смысле и цели человеческой жизни содержится в его учении, христианству необходимо «обнять собой всю бесконечную глубину человеческого искания». В эти «глубины», нет, не заглядывал, — постоянно смотрел Федор Михайлович. «Подлинный и свободный спор», о котором пишет Шмеман, начинался в произведениях Достоевского и послужил закваской для развития теории диалога в понимании В. Иванова, М. Бубера и М. Бахтина самого широкого и «глубокого» диалога⁴².

Многие проблемы и вопросы и помимо понимания свободы, с которыми столкнулись христианское богословие и Церковь в XX и XXI вв., были проговорены великим русским писателем: ответственность всех за всех, тупиковость, более того — самоубийственность пути потребления, разлагающее влияние идеалов потребления и на богатых и на бедных, свобода «вызревания» духовного

³⁹ *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. С. 6–7.

⁴⁰ См., например: *Агапов О.А.* Диалог как основа культуры (на материале произведений М. Бубера, М. Бахтина, Н. Бердяева и протопресвитера Александра Шмемана) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. М., 2011. №1. С. 57–65.

⁴¹ *Шмеман А., прот.* О цели жизни // Собрание статей. 1947–1983. С. 70–71.

⁴² См.: *Агапов О.А.* Диалог как основа культуры... С. 57–65.

человека, радость бытия как критерий приобщенности к Истине. Достоевский первым в русской культуре проговаривает те мысли, которые явились «закваской» для творчества целого ряда богословов и религиозных философов. Темы свободы, диалога и творчества стали фундаментальными и продуктивными, в частности, — и для богословия протопресвитера Александра Шмемана.

Источники и литература

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
2. *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского // *Смысл творчества.* М., 2007.
3. *Булгаков С., прот.* Очерк о Ф.М. Достоевском // *Булгаков С., прот.* Дела и дни. Статьи 1903–1944. Мемуары и дневниковая проза. М., 2008.
4. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. в 4 т. Т. 1. Художественные произведения. Калининград, 2005.
5. *Достоевский Ф.М.* Зимние заметки о летних впечатлениях // *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. в 15 т. Т. 4. Л., 1989.
6. *Достоевский Ф.М.* И.Д. Фонвизиной // *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. В 15 т. Т. 15. Письма. 1834–1881. Л., 1989.
7. *Иванов В.И.* Достоевский и роман-трагедия // *Иванов В.И.* Собр. соч. в 6 т. Т. 4. Брюссель, 1987.
8. *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова: Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» // Сайт «Апрельские юношеские чтения. Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI в.». URL: <http://fm-dostoevskiy.narod.ru/txt/tkasatkina.htm> (дата обращения: 05.07.2012).
9. *Агапов О.А.* Диалог как основа культуры (на материале произведений М. Бубера, М. Бахтина, Н. Бердяева и протопресвитера Александра Шмемана) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. М., 2011. №1. С. 57–65.
10. *Агапов О., прот.* Тема свободы в творчестве протопресвитера Александра Шмемана // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2010. №1(7). Выпуск «Философия. Филология». С. 61–70.

11. *Хомяков А.С.* Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси // Сайт «Классика». URL: http://azlib.ru/h/homjakow_a_s/text_0090.shtml (дата обращения: 03.01.2010).
12. *Шмеман А., прот.* Авторитет и свобода в Церкви // *Шмеман А., прот.* Собрание статей. 1947–1983. М., 2009.
13. *Шмеман А., прот.* Свобода в Церкви // *Шмеман А., прот.* Собрание статей. 1947–1983. М., 2009.
14. *Шмеман А., прот.* Дневники. 1973–1983. М., 2005.
15. *Шмеман А., прот.* Евхаристия // Литургическое богословие отца Александра Шмемана. СПб., 2006.
16. *Шмеман А., прот.* О цели жизни // *Шмеман А., прот.* Собрание статей. 1947–1983. М., 2009.